

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 2(63) Февраль 2018 г.

| | |
|---|----|
| ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ | 3 |
| 1. ОСОБЕННОСТИ РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИИ В 2017 И 2018 ГОДАХ: СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ (С.Дробышевский, С.Синельников-Мурылев) | 7 |
| 2. ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС В 2017 ГОДУ: СОСТОЯНИЕ СТАБИЛЬНОЕ (А.Божечкова, А.Кнобель, П.Трунин) | 12 |
| 3. ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 2014–2017 ГОДАХ: ДОЛЯ ИМПОРТА СОХРАНЯЕТСЯ (С.Цухло) | 16 |
| 4. БАНКОВСКИЙ СЕКТОР: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ИТОГИ ГОДА (М.Хромов) | 20 |
| 5. СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ: О ЧЕМ ГОВОРЯТ ДАННЫЕ 2017 ГОДА (Р.Хасанова) | 23 |
| АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА | 27 |

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Май В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редакторы: Гуревич В.С., Колесников А.В.



РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 2 (63). Февраль / Божечкова А., Дробышевский С., Кнобель А., Синельников-Мурылев С., Трунин П., Хасанова Р., Хромов М., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Май В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 27 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_2-63_February.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Противоречивое сочетание опасений по поводу возможных санкций и преимущественно позитивных фактов – таким представляется российский экономический, а еще более – внешнеэкономический пейзаж последних недель.

На фоне известных «списков» и «докладов» международные рейтинговые агентства либо повышали рейтинги России и ее компаний, либо, как минимум, меняли свои прогнозы на позитивные. Германия давала разрешение на укладку в своих территориальных водах и выход на сушу трубопровода «Северный поток-2», куда тот, собственно, и прокладывается, а танкер со сжиженным газом с проекта, который считался «подсанкционным», пришвартовался даже не в Китае, как ожидали многие, а прямо в США, северо-восточные штаты которых временно страдали от дефицита топлива.

Все это, разумеется, не формирует однозначного тренда: достаточно объявленной новой итерации угроз в отношении действующих и потенциальных партнеров российского военно-промышленного комплекса. Или – экстренного торможения, к которому прибегла итальянская Eni: в декабре она вместе с «Роснефтью» приступила к бурению на шельфе Черного моря якобы с согласия американской стороны, а уже в январе остановила процесс. Если подобный алгоритм еще допустим в торговле помидорами, то долгосрочное инвестирование он, по сути, исключает.

Единственным ответом на подобную ситуацию служит не противоречивая, а последовательная макроэкономическая политика. По крайней мере она демпфирует часть негативных внешних эффектов (в том числе ситуативно – например, возможный запрет на покупку российских долговых бумаг), а также создает условия для необходимых структурных реформ, но сама по себе, конечно, не запускает их и тем более не гарантирует.

Наши авторы, анализируя рост экономики РФ в 2017–2018 гг., замечают, что результаты минувшего года находятся в рамках ожиданий, причем ближе к их верхней границе, поскольку структурные темпы роста ВВП (зависящие от совокупной факторной производительности, трудовых ресурсов и капитала) в последние годы опустились до ежегодных 1–1,5%. Условия внешней торговли, несмотря на рост цен на нефть, были хуже, чем в среднем за последнее десятилетие, а численность экономически активного населения падала.

Главным фактором роста, по мнению наших аналитиков, стало завершение отрицательной фазы делового цикла и возвращение к циклическому росту. Это соответствует и темпам роста, достигнутым в 2017 г., аналогичных значений они ожидают и в наступившем году. Признаками выхода из нижней точки делового цикла является позитивная динамика инвестиций, изменившееся поведение населения, что проявилось в росте розничного оборота, а также снижение рисков благодаря

экономической политике государства. В связи с этим отмечается, что при снижении инфляции и ключевой ставки ЦБ инфляционные ожидания снижаются намного медленнее. При оценке уровня реальных ставок следует говорить о разнице между номинальной ставкой и ожидаемой (а не фактической) инфляцией. Вывод: в 2017 г. сложилась ситуация не высоких положительных, а фактически нулевых ожидаемых реальных ставок.

Циклический фактор остается положительным и для 2018 г. (при этом влияние внешнеторгового фактора, несмотря на растущие цены на нефть, по-прежнему отрицательное). Однако существующие в экономике ограничения не позволяют расти ей быстрее, чем на 1,5–2% в год. В том числе издержки компаний на труд вновь начинают расти, доля прибыли компаний в ВВП сокращается, остатки на их депозитных счетах в банках увеличиваются (в итоге источники возможного роста инвестиций при отсутствии растущего кредитования нефинансового сектора выглядят довольно загадочно), существует неопределенность относительно будущей экономической политики правительства после президентских выборов плюс новые санкционные риски, усиливается конкуренция на мировых сырьевых рынках, исчерпывается потенциал экспортного роста в сельском хозяйстве.

Таким образом, вопрос о повестке экономических реформ, по мнению экспертов, выглядит центральным пунктом и для преодоления ограничений, и для повышения структурных темпов роста. Они считают актуальным проведение бюджетного маневра с повышением доли производительных расходов, в том числе за счет оптимизации непродовольственных статей и без ухудшения ситуации в социальной сфере. Для этого расходы расширенного правительства в ближайшие шесть лет должны оставаться на уровне не ниже 34% ВВП, что потребует некоторого смягчения бюджетного правила. Перераспределение ресурсов в пользу производительных расходов способно, по мнению наших авторов, повысить среднегодовые темпы роста на 0,5 п.п. на горизонте 3–5 лет, а в дальнейшем обеспечивать до 1% дополнительного ежегодного роста. Они также указывают на актуальность масштабного разгосударствления, либерализации регулирования внешнеэкономической деятельности, ускорения перехода к единому механизму налогового и таможенного регулирования, замены валютного контроля налоговым.

Анализ платежного баланса по итогам 2017 г. отражает в целом позитивное состояние российской макроэкономики. По предварительной оценке ЦБ РФ, сальдо счета текущих операций на 58% превысило показатель 2016 г. и составило 40,2 млрд долл. Прежде всего это было обеспечено ростом внешнеторгового баланса. Правда, происходило и увеличение объема чистого вывоза капитала из негосударственного сектора в 1,6 раза до 31,3 млрд долл. Однако вызвано это было в первую очередь тем, что российские банки активно гасили свои иностранные обязательства.

По оценке экспертов, при сохранении текущих тенденций в российской экономике и внешнеторговой конъюнктуры состояние платежного баланса и курс рубля останутся стабильными. Возможный рост среднегодовой цены на нефть будет компенсирован более значительными покупками валюты Минфином в соответствии с новым бюджетным правилом, а также увеличением импорта.

Согласно исследованиям специалистов Института Гайдара, в период 2014–2017 гг. российская промышленность сохраняла свою зависимость от импорта примерно на одном и том же уровне. Первые замеры были ими сделаны еще в апреле 2014 г., т.е. до девальвации рубля, и около 40% предприятий заявили тогда о критической зависимости – невозможности отказаться от закупок импортного оборудования, сырья и материалов при любом росте цен. 22% предприятий не импортировали оборудование и машины, 33% – сырье и материалы и в этом смысле были независимы. 25–39% промышленных предприятий были готовы отказаться от импорта материалов и оборудования при росте цен на них. В декабре 2014 г., после девальвации, когда рост импортных цен стал неизбежен, 40% предприятий все равно были не готовы отказываться от импорта.

С 2015 г. исследователи обратились к причинам, мешающим импортозамещению. За три года картина если и изменилась, то, скорее, в худшую сторону. Главной преградой является отсутствие российского оборудования и сырья, причем любого качества: в январе 2015 г. так ответили 62% предприятий, в июле 2017 г. – 69%. На втором месте среди факторов, препятствующих импортозамещению, – низкое качество отечественных аналогов (35–37%). Недостаточная поддержка со стороны властей в 2015 г. называлась в 18% случаев, в 2017 г. – 10%, примерно столько же предприятий говорило о завышенных ценах на российские аналоги. Наши авторы, сравнивая планы промышленных предприятий в период 2015–2017 гг., приходят к выводу, что процесс импортозамещения замедляется, а роль импорта не падает.

Эксперты, анализирующие состояние банковского сектора, оценивают итоги 2017 г. как противоречивые. С одной стороны, возобновился рост банковских активов и – в некоторых сегментах – объема кредитования. С другой, – сокращалась прибыль, а в ходе санации обнаруживались значительные объемы некачественных активов в крупнейших банках.

За минувший год число действующих кредитных организаций сократилось с 623 до 561, а всего за 5 лет (2013–2017) их стало почти на 400 меньше. Лицензии отзывались в основном у мелких банков, поэтому процесс мало влиял на динамику банковских активов, суммарный объем вкладов населения в банках с отзывными лицензиями в 2017 г. составил 420 млрд руб. (менее 10 млрд в среднем на банк). Прибыль сектора сократилась до 790 млрд руб. (по сравнению с 930 млрд в 2016 г.). В основном снижение финансовых результатов обусловлено многократным ростом отчислений в резервы на возможные потери. Резервы же стали резко расти в последние месяцы года: именно тогда началась санация таких крупных банков, как ФК «Открытие», Бинбанк, а затем Промсвязьбанк. В отношении этих банков был применен новый механизм санации – с помощью Фонда консолидации. Судить о его эффективности рано, а применительно к Промсвязьбанку – и совсем сложно, поскольку на его основе планируется создание опорного банка по обслуживанию гособоронзаказа. Это, указывают наши эксперты, означает существенное снижение его прозрачности, тем более что уже сейчас Банк России публикует упрощенную отчетность всех банков в целях неразглашения информации о счетах, связанных с гособоронзаказом.

Несколько иного рода проблема с отчетностью в другом секторе – социальном. На это обращают внимание эксперты, рассматривающие

данные за 2017 г. (точнее, за январь-ноябрь) по уровню смертности в РФ. За этот период в стране наблюдалась естественная убыль населения: число умерших превысило число родившихся на 122 тыс. человек. При этом смертность населения продолжает медленно снижаться. В регионах с высокой долей населения старших возрастов (Псковская, Новгородская, Тверская) этот показатель намного выше среднего, а в регионах с более молодым населением (Ингушетия, Чечня, Ямало-Ненецкий АО) – намного ниже. Для более объективной оценки, исключая влияние возрастной структуры, используется так называемый стандартизированный коэффициент. И в этом случае картина выглядит по-другому: к регионам с наивысшей смертностью относятся Чукотка, Тыва, Еврейская АО, а минимальные показатели наблюдались в Воронежской области, Ингушетии, Москве.

Основной причиной смертности в РФ остаются болезни системы кровообращения (47%), так называемые «прочие причины», по данным за январь-ноябрь, выходят на второе место (20%). Снижение смертности затрагивает практически все основные причины – что, в частности, и обеспечило в 2011–2016 гг. увеличение ожидаемой продолжительности жизни в России на два года, – кроме «прочих» (смертность от них выросла в прошлом году на 5,8%). Причем смертность от некоторых болезней, которые и входят в число «прочих» ее причин, выросла за последние годы, как отмечают эксперты, в разы. Более того, в разы отличается по регионам и показатель смертности от «прочих причин». При этом прослеживается закономерность: регионы, для которых характерна высокая смертность от «прочих причин», демонстрируют низкие показатели смертности от болезней системы кровообращения. Экспертное предположение: этот феномен связан со стремлением регионов достичь целевых показателей майских указов и других целей, сформулированных органами власти.

В связи с этим предлагается разработать региональные (и, возможно, более реалистичные) целевые показатели, учитывающие особенности территорий и не провоцирующие их на использование статистических ухищрений. Не говоря уже о необходимости анализа поступающей из регионов информации на предмет ее корректности. ●

1. ОСОБЕННОСТИ РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИИ В 2017 И 2018 ГОДАХ: СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

С.Дробышевский, С.Синельников-Мурылев

Позитивные итоги 2017 г., в частности, возобновление роста реального ВВП, рост инвестиций в основной капитал во многом стали следствием выхода экономики из фазы циклического спада. Однако структурные и внешние факторы в 2018 г. не могут поддержать экономический рост. Для обеспечения устойчивого экономического роста новое правительство должно больше внимания уделять проведению структурных реформ, в числе которых бюджетный маневр, разгосударствление экономики и снижение регулирования внешнеэкономической деятельности¹.

В 2014–2015 гг. резкое негативное изменение условий торговли привело к потере валового внутреннего дохода России на 13–14% (в 2015 г.). Однако реальный валовой внутренний продукт снизился только на 2,5% (и еще на 0,2% – в 2016 г.). В 2017 г. российская экономика вернулась к положительным темпам роста реального ВВП (около +1,5%). При этом рост мировой экономики в 2017 г. оценивается в 3,6–3,7%, что уже близко к уровням благополучных нулевых годов. Положительные темпы роста отмечены практически во всех странах Евросоюза и в Японии. Вместе с тем вряд ли можно с полным основанием утверждать, что последствия кризиса 2008–2009 гг. преодолены в глобальном масштабе. А применительно к России – что мы вышли на новую траекторию устойчивого роста, и угроза новой рецессии, причем даже в краткосрочной перспективе, в 2018 или 2019 гг., – миновала.

В целом экономические результаты 2017 г. находятся в рамках ожиданий, причем, пожалуй, ближе к их верхней границе. Следует учитывать, что структурные темпы роста ВВП, зависящие от совокупной факторной производительности, имеющегося объема труда и капитала, в последние годы опустились до 1,0–1,5% в год. Поэтому в условиях сокращающейся численности экономически активного населения без повышения эффективности экономики рассчитывать на более быстрый рост трудно. Условия торговли хотя и улучшились (в частности, цены на нефть сорта Urals оказались в 2017 г. примерно на 25% выше, чем в 2016 г. – 53,1 долл./барр. против 41,9 долл. годом ранее), тем не менее они были хуже, чем в среднем за последние 10 лет. Иными словами, внешний сектор по-прежнему не мог внести заметный положительный вклад в темпы роста экономики.

Главным фактором роста, по нашему мнению, можно считать завершение отрицательной фазы делового цикла и возвращение к циклическому росту. Это как раз соответствует темпам роста экономики в 1,5–2,0% в год, наблюдаемым в 2017 г. Аналогичных значений экономического роста в России мы ожидаем и в 2018 г.

¹ П. Кадочников, А. Кнобель, С. Синельников-Мурылев. Открытость российской экономики как источник экономического роста. Вопросы экономики. 2016. №12.

2017 г. и деловой цикл

Следует обратить внимание на некоторые особенности понимания делового цикла в современной экономической теории. Теория реального делового цикла предполагает влияние на экономическую динамику множества случайных, непредсказуемых шоков, которые «зашумляют» возможные циклические (в классическом понимании) колебания экономики и выделение фаз цикла становится условным и, как правило, проводится *ex post* с заметным опозданием (см., например, практику датировки бизнес-циклов Национальным бюро экономических исследований США¹).

Можно указать на ряд признаков, которые характерны как раз для фазы выхода экономики из нижней точки делового цикла.

Во-первых, это возобновление инвестиционной деятельности компаний. В 2017 г. картина с динамикой инвестиций в основной капитал выглядела заметно лучше ожиданий. По итогам первых трех кварталов 2017 г. индекс инвестиций в основной капитал составил 104,2% к соответствующему периоду 2016 г., и по итогам года инвестиции выросли в реальном выражении, по нашим оценкам, на 3,5–3,8%. Рост инвестиций является также следствием капиталовложений государства и компаний (как государственных, так и частных) в крупные проекты, такие как Крымский мост, инфраструктура к чемпионату мира по футболу, инфраструктура, транспорт и городская среда в Москве и некоторых других крупных городах.

Во-вторых, это изменение модели поведения населения в области сбережения. Несмотря на сокращение реальных располагаемых доходов населения в 2017 г. на 1,7% (преимущественно – из-за отсутствия индексации заработных плат бюджетников, социальных выплат и отрицательной переоценки валютных сбережений при росте номинального курса рубля), в прошлом году рост розничного товарооборота достиг 1,2%, в том числе примерно на 12% увеличились продажи легковых автомобилей, возобновилось расширение розничного кредитования, быстро растет объем выданных ипотечных кредитов.

В-третьих, это снижение уровня неопределенности и рисков в экономике, в том числе благодаря последовательной экономической политике государства. В 2017 г. ЦБ РФ неоднократно понижал ключевую ставку, однако инфляционные ожидания снижаются значительно медленнее. Когда мы говорим об уровне реальных процентных ставок, правильнее их измерять не как разницу между номинальной ставкой и текущей инфляцией, а как разницу между номинальной процентной ставкой и ожидаемой инфляцией. Поэтому в 2017 г., по мере снижения ключевой ставки и при относительно стабильных высоких инфляционных ожиданиях, мы пришли к ситуации не высоких положительных, а фактически нулевых ожидаемых реальных процентных ставок, что понизило альтернативную стоимость денег в экономике и тоже стимулировало инвестиционную активность. Косвенным подтверждением улучшения ожидаемых условий ведения бизнеса в России можно также назвать перемещение России в рейтинге *Doing Business* на 35-е место (по сравнению со 120-м местом в 2012 г.).

1 <http://www.nber.org/cycles/recessions.html>

Рост–2018: какие существуют риски

Если говорить об оценке ситуации в 2018 г., на данный момент мы видим значительное число рисков и ограничений, переходящих из года в год, которые препятствуют ускорению роста. В частности, хотя мы и ожидаем некоторого ускорения структурных темпов роста (ближе к 1,5–2,0% в год) вследствие увеличения инвестиционной активности предприятий и снижения неопределенности в экономике, продолжается сокращение численности экономически активного населения, а темпы роста совокупной факторной производительности без проведения серьезных структурных реформ остаются ниже, чем были в 2000-х годах. Намечившийся рост цен на нефть на рубеже 2017/2018 гг., продление соглашения ОПЕК+ позволяют нам пересмотреть в сторону повышения прогноз ожидаемых в текущем году цен на нефть с 50–52 до 55–60 долл./барр., однако вклад внешнеторговой составляющей в ВВП остается отрицательным. Кроме того, как показал опыт 2012–2014 гг., зависимость экономики в целом от уровня цен заметно снизилась.

Циклическая составляющая роста остается положительной, однако нам видится ряд ограничений темпов в 2018 г., что не позволит экономике в целом, если говорить об инерционном сценарии, расти быстрее, чем на 1,5–2,0% в год:

– Завершение балансировки на рынке труда (отчасти «смазанной» вследствие сокращения численности экономически активного населения по демографическим причинам) и снижение стоимости труда в экономике. В 2015 г. после девальвации рубля и ускорения роста цен доля заработной платы в ВВП снизилась на 1,0–1,5 п.п. Однако за 2016 г. эта тенденция развернулась и к настоящему времени доля фонда заработной платы в ВВП превысила предыдущие максимумы. Иными словами, позитивный эффект от корректировки заработной платы полностью исчерпан, и издержки компаний на труд снова повышают себестоимость производимой продукции.

– Рост инвестиций в основной капитал отчасти остается загадкой, так как статистика показывает сокращение доли прибыли компаний в ВВП, возобновление (после короткого перерыва во 2 полугодии 2016 г.) накопления остатков на депозитных счетах компаний в банках, отсутствие расширения банковского кредита нефинансовому сектору. В то же время с учетом эффекта акселератора текущий экономический рост через увеличение желаемого объема капитала должен привести к более высоким темпам инвестиций и в 2018 г.

– Неопределенность (по крайней мере на протяжении I квартала) относительно будущей экономической политики правительства РФ после президентских выборов и, соответственно, возможного изменения делового и инвестиционного климата в России. Также на протяжении всего года неопределенность для инвесторов, вероятно, будет поддерживаться риском введения новых санкций со стороны США.

– Усиление конкуренции на мировых рынках сырьевых товаров (не только углеводородов), что сдерживает возможности для наращивания физических объемов нашего экспорта, даже при повышающихся ценах на эти товары.

– Исчерпание потенциала роста экспорта в сельском хозяйстве. Аграрный сектор экономики и переработка продуктов питания стали заметным фактором экономического роста в 2014–2017 гг. – сначала как

реакция на введение продуктового эмбарго со стороны РФ, а потом – в результате благоприятных климатических условий и рекордных урожаев, завершения ряда крупных инвестиционных проектов в аграрном секторе, начатых еще до 2014 г. Однако с началом кризисных явлений число новых подобных проектов в этой сфере заметно снизилось, а без импорта используемых в сельском хозяйстве технологий наращивание урожайности также замедляется.

Что делать?

Таким образом, вопрос о повестке экономических реформ после выборов в марте 2018 г. и формирования нового состава правительства остается центральным пунктом как для ускорения структурных темпов роста, так и для преодоления имеющихся ограничений. По нашему мнению, сам факт принятия программы проведения структурных реформ может оказать позитивное влияние на ожидания экономических агентов, снижение неопределенности и улучшение бизнес-климата, достаточные для достижения в 2018 г. темпов роста реального ВВП не ниже 2,5%. Более высокие темпы роста также возможны и зависят от конкретной повестки и последовательности шагов правительства, скорости проведения преобразований и изменения внешней деловой и политической конъюнктуры.

По нашему мнению, первоочередными шагами в области экономической политики, объявление которых может оказать позитивное влияние на ожидания, могли бы стать:

1. Бюджетный маневр, предусматривающий повышение удельного веса производительных расходов в том числе за счет оптимизации непроизводительных статей. В частности, Центр стратегических разработок (ЦСР)¹ предлагает нарастить производительные расходы бюджета к 2024 г. с текущих 11% ВВП до среднеевропейского уровня в 13,5–14,0% ВВП, тем самым преодолеть хроническое недофинансирование (как по международным меркам, так и по требованиям приоритетов внутренней политики) расходов, обеспечивающих долгосрочное развитие и являющихся приоритетными для граждан. При этом вкладывать следует только в те проекты и по тем направлениям расходов, которые имеют наибольшую готовность к структурным преобразованиям, чтобы обеспечить требуемую эффективность.

Для проведения бюджетного маневра без ухудшения ситуации с предоставлением общественных благ и социальных услуг, а также снижения различного рода поддержки граждан расходы расширенного правительства должны оставаться в ближайшие 6 лет на уровне не ниже 34,0% ВВП, а по федеральному бюджету – не ниже 16,5–17% ВВП, что среди прочего требует, по нашему мнению, некоторого смягчения бюджетного правила.

Согласно расчетам ЦСР², перераспределение ресурсов от непроизводительных расходов к производительным в результате бюджетного маневра могло бы повысить среднегодовые темпы роста на 0,5 п.п. на

1 Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики, 2017. №9, с. 5–27.

2 Кудрин А., Кнобель А. Бюджетная политика как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2017. №10, с.5–26.

горизонте 3–5 лет, а в долгосрочной перспективе обеспечить до 1% дополнительного ежегодного роста.

2. Масштабное разгосударствление экономики. Это позволит сломать тенденцию к сужению пространства для частной инициативы, к эрозии цивилизованных имущественных отношений, к снижению возможностей реализации прав частной собственности (частного бизнеса) и конкурентных рынков в связи с экспансией госсектора де-юре и де-факто. Уменьшение доли государственного участия благотворно скажется на развитии российских финансовых рынков, позволит привлечь иностранные инвестиции, а также сформировать предпосылки для повышения качества корпоративного управления.

Немаловажным является и бюджетный аспект приватизации. В соответствии с бюджетными проектировками на 2018–2020 гг. предполагается проведение достаточно жесткой бюджетной политики: расходы федерального бюджета по итогам 2020 г. будут примерно равняться расходам в 2017 г., что означает их сокращение на 10% в реальном выражении (с учетом инфляции). При этом Россия остро нуждается в повышении инвестиций в человеческий капитал и инфраструктуру, которые должны стать приоритетными направлениями бюджетных расходов. Проведение приватизации позволит изыскать дополнительные ресурсы на финансирование данных направлений. В качестве альтернативы можно рассматривать повышение налоговой нагрузки на экономику, однако в условиях необходимости ускорения темпов экономического роста увеличение налогов вряд ли целесообразно.

3. Либерализация регулирования внешнеэкономической деятельности. Несмотря на приоритет внутренних факторов роста, снижение зависимости от колебаний внешней конъюнктуры, открытость экономики России в большей степени будут способствовать возвращению инвесторов (в том числе и с российскими «корнями») в страну, деофшоризации экономики, чем «закрытие» экономики, введение различных ограничений на перемещение товаров, капитала и факторов производства. В части налогового администрирования работа Федеральной налоговой службы может быть поставлена в один ряд с лучшими примерами мировой практики, однако совершенствование деятельности Федеральной таможенной службы только началось. В целом, в части регулирования движения капитала, валютного регулирования мы, на наш взгляд, серьезно отстаем от развитых стран.

Необходимо быстрее переходить к единому механизму налогового и таможенного администрирования: таможенные платежи должны контролироваться (и проверяться правильность их начисления) не отдельно по каждой партии товара, пересекающего границу, а в контексте всей хозяйственной деятельности фирмы. Контроль на границе должен осуществляться на основе системы управления рисками (а не минимальной оценки стоимости товара) и установления в соответствии этим финансовых гарантий.

Важным вопросом является изменение системы валютного регулирования. Валютный контроль не нужен макроэкономически и должен быть заменен на налоговый контроль, а также контрольные мероприятия в рамках противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма. ●

2. ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС В 2017 ГОДУ: СОСТОЯНИЕ СТАБИЛЬНОЕ

А.Божечкова, А.Кнобель, П.Трунин

Увеличение положительного сальдо торгового баланса РФ в 2017 г. обеспечило стабильное состояние платежного баланса. Отток капитала частного сектора в 2017 г. был связан преимущественно со снижением иностранных обязательств российских банков. Устойчивость платежного баланса способствовала укреплению рубля.

Согласно опубликованной Банком России предварительной оценке платежного баланса за 2017 г., сальдо счета текущих операций составило 40,2 млрд долл., что на 58% (или на 14,7 млрд долл.) больше показателя за 2016 г.¹

Сальдо *торгового товарного баланса* достигло 115,8 млрд долл., превысив на 28% (или на 25,5 млрд долл.) показатель 2016 г. (90,3 млрд долл.) (рис. 1). Определяющую роль сыграл рост стоимостных объемов экспорта на 26% – с 281,8 млрд долл. в 2016 г. до 353,7 млрд долл. в 2017 г. Росла среднегодовая цена на нефть при стабильных физических объемах поставок (в январе-ноябре 2017 г. средние экспортные цены равнялись 364 долл./т², в то время как в 2016 г. – 289 долл./т³). Это также привело к росту среднегодовых цен на нефтепродукты (в январе-ноябре 2017 г. средние экспортные цены составили 388 долл./т⁴, в то время как в 2016 г. – 295 долл./т) и природный газ (в январе-ноябре 2017 г. средние экспортные цены равнялись 179 долл./тыс. куб. м, в то время как в 2016 г. – 157 долл./тыс. куб. м).

Вследствие ускорения мировой экономики и, следовательно, повышения спроса на сырье выросли цены и на другие базовые товары российского экспорта: на черные металлы (с 321 долл./т до 440 долл./т), каменный уголь (с 52 долл./т до 74 долл./т), пшеницу и меслин (с 166 долл./т до 176 долл./т), цветные металлы (алюминий, медь, никель – на 10–30%).

На сальдо торговли товарами повлиял также рост импорта на 24% – со 191,6 млрд долл. в 2016 г. до 237,9 млрд долл. в 2017 г., что объясняется прежде всего укреплением рубля. Согласно данным Банка России, индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам в 2017 г. вырос по отношению к 2016 г. на 15,9%, что привело к существенному относительному удешевлению импортных поставок для российских экономических агентов⁵.

1 См. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс за 2016 г. // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 2. С. 3–6.

2 Соответствует ~50 долл/барр. По результатам января-декабря значение несколько изменится в сторону увеличения.

3 Соответствует ~40 долл/барр.

4 По результатам января-декабря значение несколько изменится в сторону увеличения.

5 О влиянии курсовой динамики на торговлю см. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в январе-августе 2017 г. // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 11. С. 12–18.

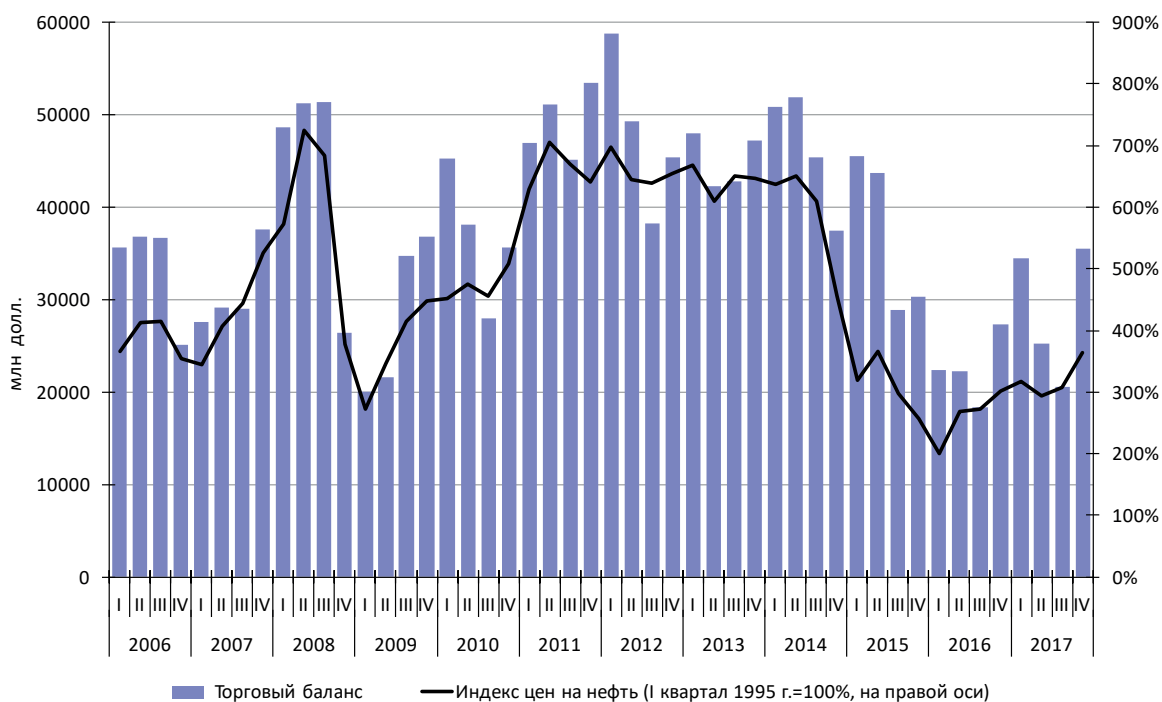


Рис. 1. Торговый баланс РФ и индекс мировых цен на нефть в 2006–2017 гг.

Источник: Банк России, расчеты авторов.

В 2017 г. произошло ухудшение *баланса торговли услугами*, который составил -30,2 млрд долл. по сравнению с -23,8 млрд долл. в 2016 г. И экспорт (+15% с 50,6 млрд долл. до 58,1 млрд долл., главным образом, за счет въездного туризма и транспортных услуг), и импорт услуг (+19% с 74,4 млрд долл. до 88,3 млрд долл., главным образом за счет выездного туризма, транспортных и прочих деловых услуг) выросли в 2017 г. по сравнению с 2016 г., однако импорт увеличился более существенно. В дальнейшем, если реальный эффективный курс рубля продолжит укрепление, импорт услуг будет продолжать расти быстрее экспорта. Соответственно еще в большей степени ухудшится отрицательное сальдо торговли услугами. Но поскольку укрепление рубля может быть обусловлено главным образом ростом цен на основные экспортируемые товары, такое ухудшение будет заведомо компенсировано улучшением торгового товарного баланса.

Баланс инвестиционных доходов, как и *баланс оплаты труда* изменились незначительно. Первый снизился в 2017 г. с -2,2 млрд долл. до -2,9 млрд долл., а второй – с -32,5 млрд долл. до -35,3 млрд долл.

Таким образом, основным фактором, определяющим величину сальдо счета текущих операций в российской экономике, по-прежнему остается баланс торговли услугами и торговый товарный баланс, сальдо которого, в свою очередь, в значительной степени зависит от динамики цен на углеводороды.

Увеличение профицита счета текущих операций сопровождалось сопоставимым ростом дефицита финансового счета, который в 2017 г. достиг 21,0 млрд долл. (против 11,9 млрд долл. в 2016 г.). Чистый вывоз капитала из негосударственного сектора российской экономики за 2017 г. оказался равным 31,3 млрд долл., увеличившись в 1,6 раза по сравнению с 2016 г. (рис. 2). Динамика оттока капитала определялась

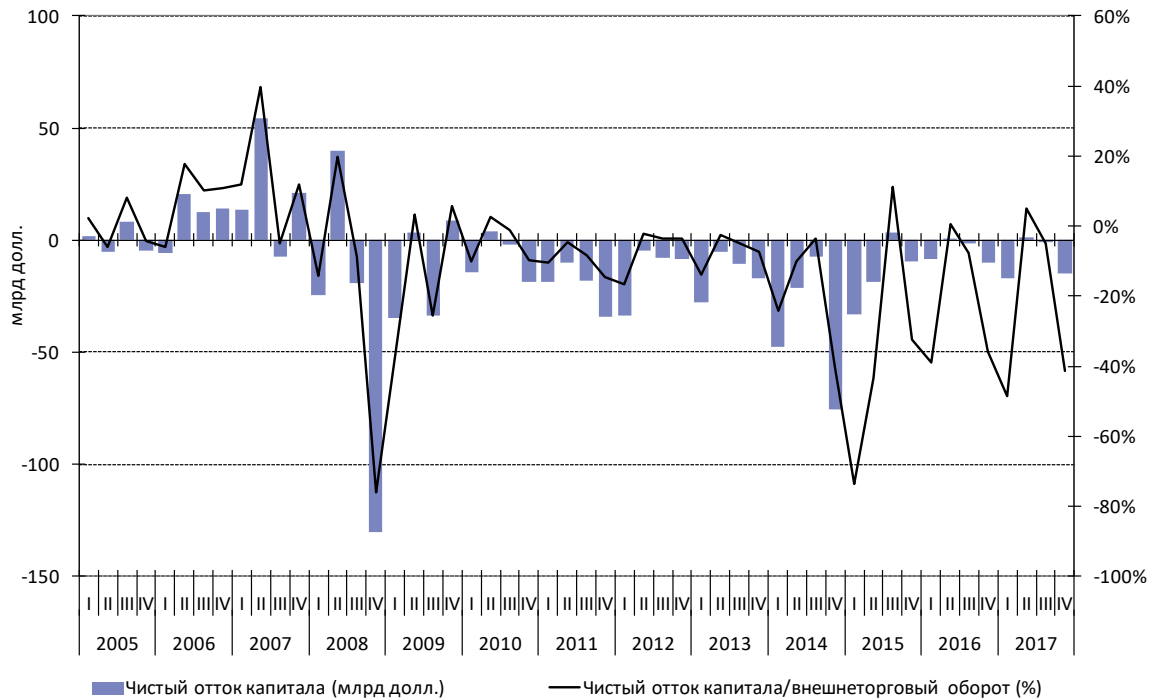


Рис. 2. Чистый отток капитала частного сектора в 2005–2017 гг.

Источник: Банк России, расчеты авторов.

преимущественно операциями банковского сектора. В частности, величина чистого вывоза капитала банками за 2017 г. составила 28,6 млрд долл., в то время как в 2016 г. наблюдался приток капитала в размере 1,1 млрд долл.

Наибольший вклад в сальдо операций банков с внешним миром внесло погашение внешних банковских обязательств, которые за 2017 г. сократились на 31,4 млрд долл. (27,1 млрд долл. в 2016 г.), тогда как иностранные активы банковского сектора за 2017 г. снизились на 2,9 млрд долл. (28,3 млрд долл. в 2016 г.). Частично сокращение иностранных активов банковского сектора обусловлено возвратом банками валютных кредитов по операциям РЕПО с Банком России (7,9 млрд долл. по итогам 2017 г.).

При этом в 2017 г. значительно сократился чистый отток капитала из прочих секторов, снизившись до 2,7 млрд долл. с 20,9 млрд долл. годом ранее. Внешние обязательства небанковского сектора увеличились на 15,7 млрд долл., тогда как в 2016 г. их рост составил 17,6 млрд долл. Увеличение внешних обязательств произошло преимущественно за счет привлечения прямых инвестиций в размере 23,2 млрд долл. (30,9 млрд долл. в 2016 г.). При этом наблюдалось сокращение обязательств в виде портфельных инвестиций в размере 5,9 млрд долл. (в 2016 г. их величина оставалась практически неизменной), а объем ссуд и займов снизился на 1,7 млрд долл. (-12,0 млрд долл. в 2016 г.), тогда как прочие обязательства увеличились на 0,1 млрд долл. (отток 1,3 млрд долл. в 2016 г.).

В целом положительный прирост иностранных обязательств свидетельствует, что в 2017 г. небанковскому сектору удалось привлечь средств из-за рубежа существенно больше, нежели требовалось для осуществления выплат по внешнему долгу. Этому также способствовало успешное рефинансирование небанковским сектором внешнего долга, несмотря

на ограниченный доступ к мировому рынку капитала в связи с санкциями. Внешний долг прочих секторов за 2017 г. увеличился на 10,7 млрд долл. до 354,0 млрд долл. (в 2016 г. снижение на 1,9 млрд долл.). Иностраные активы прочих секторов выросли за 2017 г. на 22,7 млрд долл. (34,9 млрд долл. в 2016 г.) преимущественно за счет исходящих прямых иностранных инвестиций, составивших 30,1 млрд долл. (20,1 млрд долл. в 2016 г.). Портфельные инвестиции прочих секторов увеличились на 5,0 млрд долл. (3,6 млрд долл. в 2016 г.).

Существенный вклад в увеличение иностранных обязательств в 2017 г. внес также рост величины портфельных инвестиций в обязательства федеральных органов управления (15,3 млрд долл. в 2017 г. против 5,2 млрд долл. в 2016 г.). Это обусловлено повышенным интересом иностранных инвесторов к российским ОФЗ в условиях относительно высоких процентных ставок в РФ. Тем не менее к концу 2017 г. наблюдалось заметное уменьшение входящих портфельных инвестиций государственного сектора, что, по всей видимости, может быть связано со сокращением спроса со стороны иностранных инвесторов на данный вид активов как по мере снижения процентных ставок в РФ, так и в связи с опасениями введения новых санкций в отношении России со стороны стран Запада.

В соответствии с данными платежного баланса рост международных резервных активов за 2017 г. составил 22,6 млрд долл. (8,2 млрд долл. в 2016 г.), что было обусловлено покупкой Минфином России иностранной валюты на внутреннем валютном рынке, составившей около 14,3 млрд долл., и погашением валютной задолженности банковского сектора перед ЦБ РФ (7,9 млрд долл. за 2017 г.).

При сохранении текущих тенденций в российской экономике и конъюнктуры на мировом рынке энергоносителей состояние платежного баланса РФ, а, следовательно, и курс рубля, останутся стабильными: некоторый возможный рост среднегодовой цены на нефть будет компенсирован увеличением импорта, а также более значительным объемом покупок валюты Минфином России в рамках нового бюджетного правила. Кроме того, укреплению рубля будет препятствовать сокращение притока краткосрочного иностранного капитала по мере дальнейшего смягчения денежно-кредитной политики ЦБ РФ. В то же время нельзя не отметить риски, связанные как с возможным падением цен на нефть из-за роста добычи, так и с введением новых жестких санкций в отношении российских активов. ●

3. ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 2014–2017 ГОДАХ: ДОЛЯ ИМПОРТА СОХРАНЯЕТСЯ

С.Цухло

Основной помехой на пути импортозамещения остается отсутствие производства на территории РФ нужного предприятиям оборудования, комплектующих и сырья. Второй проблемой импортозамещения является низкое качество отечественной продукции. Эти факторы практически не изменились по сравнению с 2014 г., когда оценки предприятий показали критическую зависимость российской промышленности от импорта. Отечественные предприятия вынуждены в абсолютном большинстве сохранять прежнюю долю импорта в своих закупках. В 2017 г. укрепление рубля и успешная адаптация промышленности к кризису 2015–2016 гг. привели к снижению масштабов импортозамещения в закупках предприятий до минимума за три года мониторинга¹.

Ретроспективный взгляд

Первый замер возможного изменения планов промышленности в области закупок при росте рублевых цен на импорт был сделан нами еще в апреле 2014 г., когда динамика валютного курса, скорее всего, еще не оказывала существенного влияния на поведение покупателей. Этот замер показал высокую зависимость российской промышленности от импорта. Причем критическая зависимость – невозможность отказаться от закупок при любом росте цен – составляла тогда около 40% (доля предприятий, заявивших тогда об этом) как по оборудованию, так и по сырью. На другом полюсе возможной реакции на рост цен находились предприятия, которые, по их представлениям того периода, ничего не импортировали. Оценки предприятиями независимости от импорта составляли 22% в части машин и оборудования и 33% – в части сырья и материалов. Таким образом, оставшиеся предприятия продолжали закупки по импорту, но готовы были отказаться от него в случае роста рублевых цен. Подобных предприятий в российской промышленности в апреле 2014 г. было 25% по сырью и материалам и 39% – по машинам и оборудованию.

Второй опрос о готовности предприятий отказаться от импортных закупок был проведен именно в декабре 2014 г., когда обесценение рубля достигло максимума, равно как и призывы властей к импортозамещению. Однако планы промышленности в области импорта остались прежними. Почти 40% предприятий были не готовы отказаться от закупок импортных машин и оборудования в условиях очевидного обесценения

¹ Настоящая статья обобщает основные результаты мониторинга импортозамещения, проводившегося лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара в 2014–2017 гг. на основе опросов руководителей промышленных предприятий. При этом предприятия опрашиваются не как производители российских товаров, способные в рамках политики импортозамещения вытеснить с рынков конкурирующий импорт, а как покупатели импортных машин и оборудования, импортного сырья и материалов, вынужденные в условиях административного запрета на ввоз импорта и/или в условиях его девальвационного подорожания переходить на российские аналоги.

рубля и неизбежного роста рублевых цен на импортную технику в наступавшем 2015 г. То есть масштабы критической зависимости российской промышленности от такого импорта остались без изменений.

Почти аналогичная ситуация складывается и с «сырьевой зависимостью» российской промышленности от импорта – с намерениями предприятий в области закупок импортного сырья и материалов. Максимальная доля предприятий (37%) по-прежнему была готова осуществлять такой импорт при любом повышении рублевых цен на него. К концу 2014 г. по-прежнему только треть предприятий не пользовалась импортом для обеспечения выпуска своей продукции.

Помехи импортозамещению

Явное нежелание (неготовность) российских промышленных предприятий отказываться от закупок импортного оборудования и сырья даже в условиях неизбежного (что стало очевидно в декабре 2014 г.) роста цен побудило нас начать в 2015 г. мониторинг помех импортозамещению в промышленности. За три истекших года участникам исследования 5 раз задавался вопрос: «Что мешает вашему предприятию отказаться от закупок импортного оборудования и сырья в пользу отечественного?». Ответы дают достаточно полное представление о реальных проблемах импортозамещения в закупках предприятий.

Основной проблемой при отказе от импорта было и до сих пор остается отсутствие российских аналогов любого качества. Январские (2015 г.) оценки барьеров импортозамещения не были эмоциональным всплеском, последовавшим за шоковой декабрьской девальвацией рубля. А трехлетний мониторинг не выявил значимых положительных результатов с точки зрения создания в РФ производства нового (т.е. не производимого ранее) оборудования и сырья, скорее, даже наоборот (см. рис. 1).

Второе место в «рейтинге» помех импортозамещению стабильно принадлежит низкому качеству российских аналогов по сравнению с импортной продукцией. Значительная часть предприятий (в среднем треть по всем пяти опросам) постоянно указывает на эту проблему. Другие ограничения импортозамещения упоминаются гораздо реже. Так, среди препятствий промышленники указывали на недостаточную поддержку властями выпуска отечественного оборудования и сырья, однако на подобную оценку политики в области импортозамещения пришлось лишь 18% в январе 2015 г. и 10% – в июле 2017 г.

В целом по сочетанию оценок можно сделать вывод, что предприятия рассчитывали в основном на соб-



Рис. 1. Помехи импортозамещению для российских промышленных предприятий в 2015–2017 гг., %

ственные силы, в том числе – в адаптации к новому курсу рубля. В этой области отечественная промышленность к концу 2017 г. продемонстрировала явные успехи: негативное влияние на выпуск «ослабления курса рубля и удорожания импортного оборудования и сырья» (формулировка из анкеты Института Гайдара) в конце 2017 г. снизилось до 6%.

Оценки уже производимых российских аналогов импортного оборудования и сырья тоже вполне устойчивы и определены. Претензии к неадекватным качеством ценам на российскую продукцию, способную заместить импорт, имеют в среднем 11% ее покупателей среди российских предприятий, и эти претензии за три года не изменились.

Особое внимание следует обратить на оценки способности российской промышленности увеличить выпуск в рамках импортозамещения. Проблема удовлетворения спроса на уже производимую на территории РФ продукцию упоминается в среднем 12% предприятий. Таким образом, российская промышленность обладает достаточными резервными (простаивающими) мощностями для выпуска продукции в случае увеличения спроса на нее в рамках импортозамещения.

Масштабы фактического и планируемого импортозамещения в 2015–2018 гг.

Однако процессы импортозамещения идут и, судя по всему, останутся актуальными для нашей экономики еще долго. В такой ситуации возникает необходимость их мониторинга в ежеквартальном режиме, причем не только фактических процессов, но и планов предприятий в этой области. Такую задачу решают новые индикаторы регулярных опросов промышленных предприятий Института Гайдара.

Как показывает мониторинг 2015–2017 гг., российской промышленности удавалось добиваться относительно больших успехов в области импортозамещения при закупках машин и оборудования (рис. 2). Наиболее интенсивно этот процесс протекал во II квартале 2015 г., когда о сокращении физической доли или о полном отказе от закупок импортных машин и оборудования (по сравнению со II кварталом 2014 г.) сообщили 30% промышленных предприятий. Возможно, результат I квартала 2015 г. показывал более впечатляющие масштабы импортозамещения, но он был, наверное, первой и слишком эмоциональной реакцией на шок декабрьской девальвации.

Однако в следующие десять кварталов российская промышленность начинала снижать интенсивность фактического импортозамещения. И в IV квартале 2017 г. лишь 7% предприятий сообщили о сокращении или о полном обнулении физической доли импорта в закупках машин и оборудования.

От импортного сырья и материалов российская промышленность отказывалась менее интенсивно в силу меньшего потенциала импортозамещения в этой сфере. Максимальные масштабы импортозамещения по сырью составили 22% и к IV кварталу 2017 г. снизились до 8%.

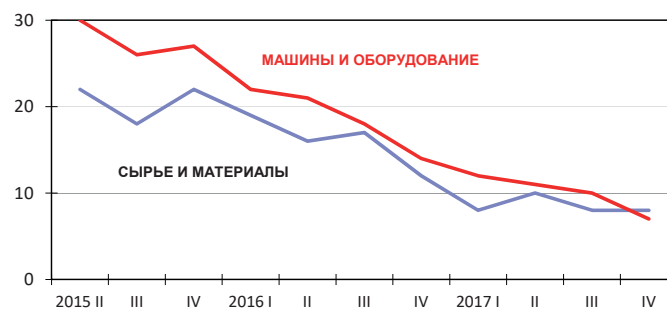


Рис. 2. Масштабы фактического импортозамещения в закупках промышленными предприятиями оборудования и сырья, %

Причиной таких скромных успехов стала, скорее всего, сформировавшаяся в предыдущие годы зависимость российской промышленности от импорта. Закупая привозное оборудование, российские предприятия вынуждены переходить на адекватное импортному оборудованию сырье и материалы, которые у нас не производятся, но поставляются зарубежными производителями, предлагающими обычно комплексные поставки и не упускающими возможность привязать покупателя к своей продукции на всех этапах его использования.

Еще одной причиной медленного импортозамещения сырья и материалов стал вялотекущий характер кризиса 2015–2016 гг., который не привел к резкому сокращению выпуска в российской промышленности. В такой ситуации не потребовалось и масштабного отказа от подорожавшего импортного сырья и материалов, что поддержало спрос предприятий на используемое ими сырье и материалы, в том числе, импортные.

Рассмотрим теперь планы промышленности по импортозамещению (рис. 3) с III квартала 2015 г. (опрос июля 2015 г.) по I квартал 2018 г. (опрос января 2018 г.).

Поквартальные планы импортозамещения показывают, что расчеты на менее интенсивное импортозамещение сырья и материалов по сравнению с машинами и оборудованием характерны только для 2015 г. Планы на 2016–2017 гг. уже демонстрировали идентичность намерений российских производителей в этой области.

Явный провал инвестиционных планов и совсем непроваляные (некризисные) масштабы падения выпуска predeterminedелили такое расхождение планов российской промышленности в 2015 г. Ситуация 2016 г. стала уже иной: промышленность смогла оценить особенности затяжного кризиса 2015–2016 гг., адаптироваться к новым условиям производства и курсовой политике Банка России. В том числе и в области инвестиций: обнаружили некоторые признаки возможного роста вложений в собственное производство. Укрепление же курса рубля и относительно неплохие финансовые результаты позволили предприятиям вновь обратиться к импортным машинам и оборудованию.

Масштабы планируемого производителями импортозамещения всегда и по всем категориям закупок (и по оборудованию, и по сырью) уступали масштабам планируемого ими же «импортосохранения». То есть промышленность предпочитала (или была вынуждена) сохранять прежнюю долю импорта в новом оборудовании и используемом сырье.



Рис. 3. Масштабы планируемого импортозамещения в закупках промышленными предприятиями оборудования и сырья, %

4. БАНКОВСКИЙ СЕКТОР: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ИТОГИ ГОДА

М.Хромов

Состояние российского банковского сектора остается нестабильным. Возобновление роста банковских активов и отдельных сегментов кредитного рынка в 2017 г. сопровождалось падением прибыли и выявлением значительных объемов некачественных активов в крупнейших банках, находящихся в процессе финансового оздоровления.

Совокупные активы банковского сектора выросли за 2017 г. на 7,8%¹, превысив по итогам года 85 трлн руб. Номинальный темп роста активов был чуть ниже (6,4%) вследствие укрепления рубля в течение 2017 г. и соответствующей переоценки активов в иностранной валюте.

За минувший год количество действующих кредитных организаций сократилось на 62 с 623 до 561, или на 10%. Всего за 5 лет с 2013 по 2017 г. их число уменьшилось более чем на 40%, или почти на 400. Пик сокращения пришелся на 2016 г., когда число кредитных организаций сократилось на 110. В 2017 г. Банк России отозвал 51 лицензию на осуществление банковской деятельности. Это почти в 2 раза меньше, чем за 2016 г. (97). Оставшиеся банки, прекратившие свою деятельность в 2017 г., были реорганизованы в форме присоединения к другим кредитным организациям. За прошедший год не было зарегистрировано ни одного нового банка.

Суммарный объем активов банков с отозванными лицензиями в 2017 г. составил около 0,8 трлн руб. по состоянию на последнюю отчетную дату перед отзывом лицензии, или менее 1% активов банковского сектора. Лицензии отзывались преимущественно у мелких банков. Средний размер активов не превышал 18 млрд руб. Таким образом, этот процесс практически не повлиял на динамику банковских активов.

Суммарный объем вкладов населения в банках с отозванными в 2017 г. лицензиями достиг 420 млрд руб., т.е. менее 10 млрд руб. в среднем на один банк, что также подтверждает вывод о том, что регулятор прекращал деятельность в основном мелких банков, с небольшим объемом операций.

Финансовый результат банковского сектора в 2017 г. заметно

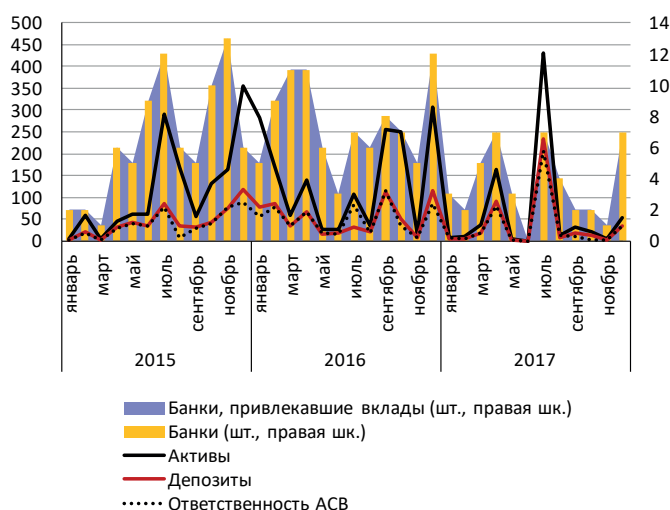


Рис. 1. Показатели банков с отозванными лицензиями
Источник: Банк России, оценки автора.

¹ Здесь и далее темпы роста указаны с поправкой на курсовую переоценку, если не указано иное.

сократился по сравнению с предыдущим годом. В 2017 г. совокупная прибыль банковского сектора составила 790 млрд руб., что означает снижение рентабельности активов (ROA) ниже 1% в годовом выражении и собственных средств (ROE) ниже 10% в годовом выражении. В 2016 г. прибыль банковского сектора достигла 930 млрд руб., а показатели рентабельности активов и капитала – 1,1 и 12,2% соответственно. Основным фактором падения прибыли стал многократный рост отчислений в резервы на возможные потери по ссудам и другим активам. За 2017 г. их объем увеличился на 1322 млрд руб., или на 24%, тогда как за 2016 г. резервы на возможные потери выросли лишь на 188 млрд руб., или на 3%.

Большая часть прироста резервов и соответственно банковских убытков пришлось на последние месяцы 2017 г. За первые 8 месяцев 2017 г. прибыль банковского сектора превысила показатели 2016 г., достигнув 997 млрд руб., а объем отчислений в резервы составлял лишь 235 млрд руб. За оставшиеся 4 месяца года резервы были увеличены более чем на 1 трлн руб., что привело к убыткам в 207 млрд руб.

Причиной такого резкого изменения в динамике банковских доходов стало начало в августе-сентябре процедур санации в отношении крупнейших российских банков – ФК «Открытие» и Бинбанка, а в декабре – Промсвязьбанка. В процессе санации в этих банках был выявлен значительный объем высокорискованных активов, по которым оперативно были начислены адекватные уровню риска резервы. В итоге общий объем резервов по банковскому сектору на 1 января 2018 г. достиг рекордных 8,1% совокупных банковских активов, превывсив уровень кризиса 2008–2009 гг. (7,5%).

Таким образом, замедление процесса отзыва банковских лицензий не стало свидетельством радикального улучшения ситуации в банковском секторе. По мере обнаружения критических проблем в крупных банках регулятором было принято решение модернизировать механизм финансового оздоровления.

С июня 2017 г. вступили в действие новые законодательные нормы, закрепляющие альтернативный механизм проведения санации (финансового оздоровления) банков. Для этого Банк России формирует Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС) и создает управляющую компанию ФКБС, полностью подконтрольную Банку России. Основными целями изменения механизма санации провозглашаются сокращение расходов на санацию и усиление контроля над расходами и использованием выделяемых средств.

До середины 2017 г. санация банков осуществлялась при участии Агентства по страхованию вкладов (АСВ) в основном также за счет средств Банка России с привлечением банков-инвесторов, заинтересованных в развитии бизнеса санируемого банка. Однако средства, выделяемые на

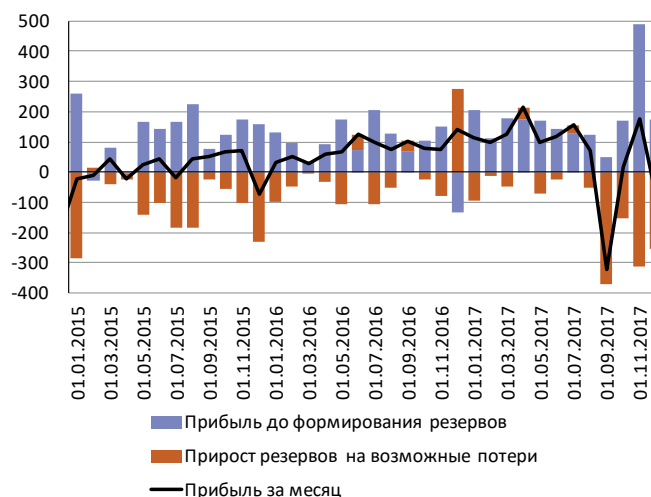


Рис. 2. Структура прибыли банковского сектора, млрд руб.
Источник: Банк России, оценки автора.

санацию, зачастую использовались банками-инвесторами в целях развития собственного бизнеса. Новый механизм санации исключает такую возможность до момента продажи saniруемого банка. Таким образом из цепочки финансовой поддержки saniруемых банков исключаются два элемента – АСВ и банк-инвестор, которые заменяются на подконтрольную Банку России управляющую компанию.

Отметим, что первые банки, попавшие под действие нового механизма финансового оздоровления – ФК «Открытие» и Бинбанк, – сами активно участвовали в процедурах санации других банков в роли банка-санатора. И во многом проблемы этих кредитных организаций были связаны с неэффективностью прежнего механизма банковских санаций.

К концу 2017 г. финансовое оздоровление этих двух банков еще далеко от завершения, и пока нет полноценной возможности оценить эффективность нового механизма санации.

То же самое можно было бы сказать про Промсвязьбанк, который перешел в состояние санации в самом конце года. Однако судьба последнего уже практически решена – на основе Промсвязьбанка планируют создать опорный банк для обслуживания Гособоронзаказа. Это означает значительное снижение прозрачности деятельности банка. Уже сейчас Банк России публикует упрощенную отчетность всех банков в целях неразглашения информации о счетах, связанных с гособоронзаказом. Если вся деятельность, связанная с гособоронзаказом, переместится в один банк, то итоги его финансового оздоровления могут так и остаться неизвестными. ●

5. СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ: О ЧЕМ ГОВОРЯТ ДАННЫЕ 2017 ГОДА

Р.Хасанова

В 2017 г. в России наблюдалась естественная убыль населения: по результатам 11 месяцев число умерших превысило число родившихся на 122 тыс. человек. Смертность населения продолжает медленно снижаться. Основной причиной смертности в России остаются болезни системы кровообращения. Анализ региональной статистики причин смерти выявляет проблему корректности получаемой в ряде случаев информации.

В январе-ноябре 2017 г. в России сохранялась тенденция снижения смертности населения. По предварительным данным Росстата, число умерших за данный период составило 1678 тыс. человек, что на 2,7% меньше, чем за аналогичный период 2016 г. Общий коэффициент смертности населения – 12,5‰¹.

Разрыв между минимальным и максимальным общим коэффициентом смертности населения в регионах России за январь-ноябрь 2017 г. составляет 14,5%. Общий коэффициент смертности сильно зависит от структуры населения, и такая его дифференциация объясняется в том числе и особенностями половозрастного состава населения региона. Так, регионы с высокой долей населения старших возрастов (Псковская, Новгородская, Тверская области) в 2017 г. демонстрируют высокий общий коэффициент смертности (от 16,9 до 17,6‰), а наименьшие показатели наблюдаются в регионах с более молодой структурой населения: в Республике Ингушетия (3,1‰), Чеченской Республике (4,6‰) и Ямало-Ненецком АО (4,9‰).

Для более объективной оценки смертности, исключая влияние возрастной структуры населения, используется стандартизированный коэффициент. Рассчитанный по регионам за 2016 г.², он показывает несколько иную картину: к регионам с высокой смертностью относятся Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Еврейская автономная область. Минимальный стандартизованный коэффициент в 2016 г. наблюдался в Воронежской области, Республике Ингушетия и Москве.

Основной причиной смертности в России остаются болезни системы кровообращения (47%). За январь-ноябрь 2017 г. на второе место выходят прочие причины смерти³ (20% всех умерших), которые включают

1 Общий коэффициент смертности – отношение числа умерших в течение календарного года к среднегодовой численности населения. Исчисляется в промилле (на 1000 человек населения).

2 Прямой метод стандартизации, за стандарт взята российская структура населения 2016 г. Данные о половозрастной структуре смертности за 2017 г. будут доступны летом 2018 г.

3 До 2017 г. в оперативной статистике данные причины были объединены в одну группу «Прочие причины смерти». С января 2017 г. в оперативной статистике Росстата из «других классов болезней» были выделены классы «болезни нервной системы» и «болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ».

в себя «другие классы болезней», болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ и болезни нервной системы; новообразования занимают третье место (16%).

Снижение смертности в январе-ноябре 2017 г. затрагивает все основные причины: от внешних причин смертность сократилась на 9,3%, от болезней органов дыхания – на 11,5%, от болезней органов пищеварения – на 5,7%, от новообразований – на 2,2%, от болезни системы кровообращения – на 4,1%, от инфекционных и паразитарных болезней – на 1,3%. Исключением является показатель смертности от прочих причин. Смертность в данной группе повысилась на 5,8%. Пока еще трудно судить, почему выросла смертность от этих причин. Подробные данные будут доступны лишь летом 2018 г.

В предыдущие годы большую долю прочих причин занимали болезни нервной системы (13353 умерших, 30% от прочих причин в 2007 г.), болезни мочеполовой системы (10211 человек, 23% в 2007 г.), болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (9742 человека, 22% в 2007 г.). К 2016 г. число умерших от этих болезней в разы выросло (рис. 1): от болезней нервной системы оно составило 83925 человек (52% умерших от прочих причин смерти), от болезней мочеполовой системы – 17928 человек (11%), болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ – 33711 человек (21%).

За период 2011–2016 гг. незначительно, но снизился коэффициент смертности от болезней системы кровообращения, новообразований, внешних причин (например, ДТП). Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в России выросла на 2 года (в том числе у мужчин на 2,46 года, у женщин – на 1,45 года). Расчет компонентов изменения ОПЖ, оценивающих влияние смертности в определенных возрастах и от определенных причин, показывает, что за 2011–2016 гг. ожидаемая продолжительность жизни в России выросла преимущественно за счет сокращения смертности от болезней системы кровообращения в старших возрастах (на 2 года). Одновременно с положительным вли-

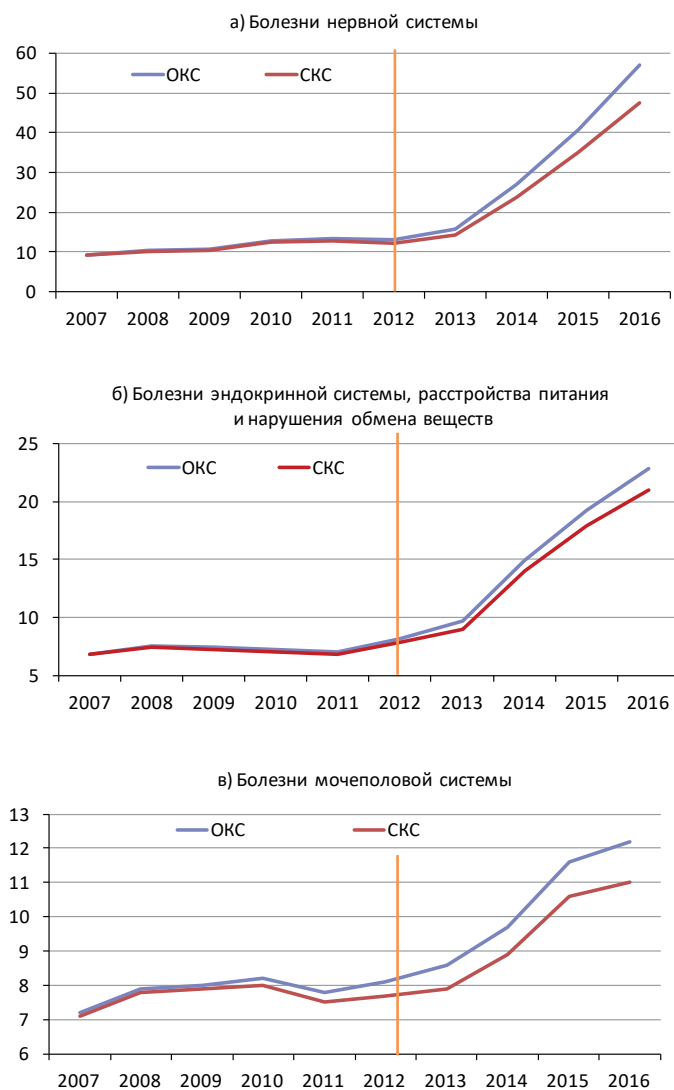


Рис. 1. Общий (ОКС) и стандартизованный (СКС) коэффициенты* смертности по причинам, на 100 тыс. населения, 2007–2016 гг.

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

* Прямой метод стандартизации, за стандарт взята структура населения России 2007 г.

янием на рост ОПЖ этого фактора динамика показателя испытывала отрицательное влияние возросшей смертности от прочих причин в старших возрастах (-0,8 года), инфекционных и паразитарных болезней (-0,01 года) (рис. 2). Кроме того, повышение ожидаемой продолжительности жизни происходило за счет сокращения смертности от внешних причин в молодых трудоспособных возрастах (0,6 года) и новообразований в старших возрастных группах (0,15 года).

Анализ стандартизованного коэффициента смертности от прочих причин в 2016 г. в регионах России показывает его значительный разброс. К регионам с максимальным показателем в 2016 г. относятся Республика Мордовия (485 на 100 тыс. населения), Ивановская (401,3 на 100 тыс. населения) и Амурская области (372,6 на 100 тыс. населения). Низким стандартизованным коэффициентом смертности отличаются Республика Северная Осетия – Алания (47,5 на 100 тыс. населения), Еврейская АО (52,7 на 100 тыс. населения), г. Санкт-Петербург (57,3 на 100 тыс. населения) (рис. 3).

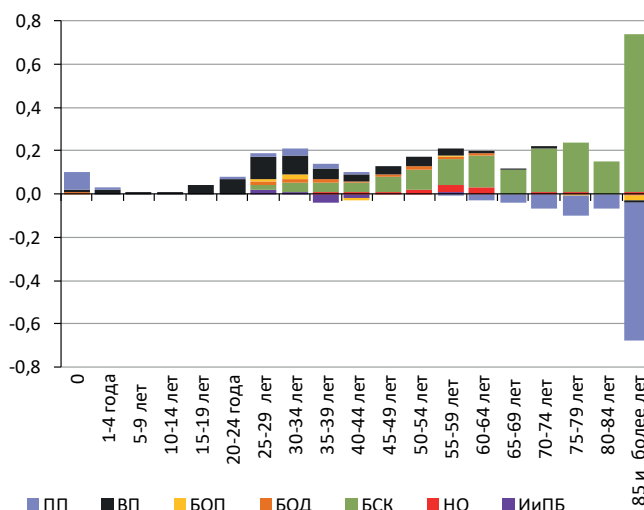


Рис. 2. Компоненты изменения продолжительности жизни по возрасту и причинам смерти в России, 2011–2016 гг., лет
Источник: расчеты автора по данным Росстата.

Примечание. ИИП – инфекционные и паразитарные болезни, НО – новообразования, БСК – болезни системы кровообращения, БОД – болезни органов дыхания, БОП – болезни органов пищеварения, ВП – внешние причины, ПП – прочие причины.



Рис. 3. Стандартизованный коэффициент смертности от прочих причин смерти в регионах России*, на 100 тыс. населения стандарта, 2016 г.

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

* Прямой метод стандартизации по российской структуре населения 2016 г.

В то же время регионы, которые отличаются высокой смертностью от прочих причин, демонстрируют низкие показатели смертности от, по сути, главной ее причины – болезней системы кровообращения (например, Республика Мордовия – наивысший показатель смертности от прочих причин и один из самых низких показателей смертности от болезней системы кровообращения). Нельзя исключить, что этот феномен связан со стремлением регионов достичь целевых показателей майских указов президента 2012 г. и Концепции демографической политики РФ до 2025 г. В условиях, когда органы власти ставят цели по снижению смертности от болезней системы кровообращения до запланированных уровней, региональный разрыв в показателях смертности от этих причин может увеличиться.

В связи с этим целесообразно разработать региональные (и, возможно, более реалистичные) целевые показатели, учитывающие особенности территорий и не провоцирующие на использование статистических ухищрений. Необходимо также анализировать корректность поступающей из регионов статистической информации и проводить детальный анализ показателей смертности и правильности кодирования причин смерти. Кроме того, следует усилить ответственность за предоставление недостоверных отчетов о причинах смерти. ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Божечкова А., заведующая лабораторией денежно-кредитной политики Института Гайдара, старший научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков ИПЭИ РАНХиГС

Дробышевский С., директор по научной работе Института Гайдара

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, директор Центра исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Синельников-Мурылев С., научный руководитель Института Гайдара, проректор по науке РАНХиГС, ректор ВАВТ

Трунин П., руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы» Института Гайдара, ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков ИПЭИ РАНХиГС

Хасанова Р., научный сотрудник лаборатории исследований демографии, миграции и рынка труда ИНСАП РАНХиГС

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых исследований Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара